

Священник Алексей Волчков

ТЕОРИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ЕЕ РОЛЬ В БИБЛЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье представлена попытка обозначить перспективы использования такого понятия современного литературоведения, как «интертекстуальность», в контексте библейских исследований. Представление об интертекстуальности обязано своим появлением и развитием творчеству представителей французского постструктурализма (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Деррида). Интертекстуальность указывает на фундаментальную взаимосвязь всех текстов, созданных человеком. Представление об интертекстуальности коренится в предшествующей традиции анализа литературных сочинений. При этом интертекстуальный подход выступает с серьезной критикой традиции филологических раскопок (*excavative reading*), когда для исследователя первоочередной важностью обладает то, что находится за текстом (источник, древнейшая редакция, автограф), но не фактически дошедший до нас литературный материал. После знакомства с интертекстуальным подходом экзегет вновь получает право работать с библейскими текстами, толковать их безотносительно к гипотетическим первоисточникам, редакциям и формам. Интертекстуальный подход дает возможность вернуть в ряд легитимных герменевтических инструментов возможность читать параллельно несколько внешне никак не связанных текстов.

Ключевые слова: теология, интертекстуальность, герменевтика, экзегетика, постструктурализм, литературоведение, библейская критика, Жак Деррида, Юлия Кристева, Ролан Барт.

Под интертекстуальностью понимается направление в литературоведении, акцентирующее внимание на феномене взаимодействия любого текста с окружающей литературной, семиотической, культурной средой. Классическая «двухэтажная» схема при анализе любого произведения «текст — реальность» в философии постструктурализма сменяется плоским и одномерным отношением «текст — текст». Интертекстуальность занимается исследованием этих отношений.

В научный оборот термин «*intertextualité*» был введен французским философом болгарского происхождения Юлией Кристевой. В 1966 г. она написала работу, посвященную анализу творчества отечественного мыслителя М. М. Бахтина. В своих сочинениях Бахтин развивал идею «полифонического романа», в котором осуществляется не просто диалог автора с читателем или с самим собой, но диалог внутри текста, участником которого оказываются как герои произведения, так и тексты, которые предшествуют времени и соседствуют с ним. Эти идеи оказались чрезвычайно близкими Кристевой. Эссе и статьи, в которых Ю. Кристева разрабатывает тему интертекстуальности, были опубликованы в 1969 г. (напр., *Semeiotike: recherches pour une sémalyse*) [Kristeva, 1969].

Под интертекстуальностью Кристева понимала глубинную взаимозависимость всех существующих текстов (шире — культурных практик) и утверждала, что никакой текст не является изолированным феноменом, любое сочинение состоит из цитат, взятых из других произведений. Причем заимствование происходит не всегда благодаря осознанному выбору писателя. Выступая против традиционной теории литературного влияния, Ю. Кристева постулирует интертекстуальность как транспозицию

Священник Алексей Сергеевич Волчков — аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии (volchkov.81@gmail.com).

нескольких знаковых систем друг в друга, в ходе которой элементы одного дискурса перекрываются понятиями другого дискурса¹.

Помимо Кристевой понятием интертекстуальности оперировали Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко и прочие представители того течения французской философской мысли, которое традиционно называется «французским постструктурализмом».

Ю. Кристева утверждала, что любой текст возникает в процессе диалога различных видов письма: письма самого писателя, письма получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом.

По оценке Р. Барта, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собою новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки старых культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [Барт, 1989, 418].

Сам феномен текста в постструктуралистском литературоведении понимается именно в связи с этимологическим значением (от лат. *texo* — «ткать, плести, сплести»). «Текст» есть то, что сплетено, состоит из множества разных семантических линий. Эти линии имеют совершенно разное происхождение, и лишь воля автора помогла им собраться в одну ткань текста.

Теория интертекстуальности указывает на мозаичность всех литературных текстов [Kristeva, 1969, 146]. Кристева пишет, что «всякий текст представляет собой пермутацию других текстов, интертекстуальность; в пространстве того или иного текста перекрещиваются и нейтрализуют друг друга несколько высказываний, взятых из других текстов» [Кристева, 2004, 136]. Р. Барт видит в тексте «раскавыченную цитату», ведь текст «существует лишь в силу межтекстовых отношений, лишь в силу интертекстуальности» [Барт, 1989, 428]. У. Эко утверждал: «Каждая книга говорит только о других книгах и состоит только из других книг» [Эко, 2003, 57].

За короткое время термин «интертекстуальность» получил широкую популярность в трудах лингвистов, философов и антропологов. Основным фактором успеха было то, что удачно подобранный термин прекрасно подходил для описания целого спектра различных явлений. Также стоит помнить о том, что настроения, царившие во французской философии после 1968 г., были особенно чувствительны к тем темам, которые затрагивали исследования по интертекстуальности. Идея, согласно которой текст не имеет ни центра, ни фиксированного значения, но состоит из взаимодействия различных символических систем, среди которых нет ни доминирующих, ни маргинальных (зависимых) традиций, оказалась весьма востребована интеллектуальным истеблишментом французского общества.

Семиотик и литературовед Ш. Гривель, перефразируя известное высказывание Ж. Деррида, утверждал, что «не существует никакого текста, кроме интертекста» (*Il n'est pas de text que d'intertexte*) [Grivel, 1982, 240]. Каждое литературное произведение связано со вселенной других текстов (*les universaux de texte*). Деррида называл это пространство «общим текстом», Р. Барт — *chambre d'échos* («комнатой с эхо»).

Представление об интертекстуальности является важным для библейских исследований. Библия представляет собой непревзойденную компиляцию интертекстуальных черт (параллельные места, повторы, лейтмотивы, формулы, цитаты, аллюзии, комментарий к предшествующему тексту). Отдельные библейские пассажи вполне можно назвать «мозаикой цитат без кавычек» [Liptak, 2006; Phillips, 1991; Phillips, 2006].

¹ «Любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия intersубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению». [Kristeva, 1993, 5].

Само появление многих книг Библии было связано с внутренним диалогом, спором, развитием мыслей других книг, входящих в канон [Carroll, 1994, 60]. Писание интертекстуально, поскольку при традиционной интерпретации смысл каждого фрагмента определяется его отношением к другим фрагментам. Читатель является свидетелем того, как повествования различных книг резонируют друг с другом. Сама история формирования библейского текста является прекрасной иллюстрацией действия принципа интертекстуальности: новые тексты появлялись как попытки продолжить, дополнить, откорректировать, истолковать, прокомментировать существующие авторитетные сочинения.

Основные критические теории изучения Писания, сформировавшиеся в XIX в., так или иначе связаны с теорией интертекстуальности:

- *критика источников* утверждает, что существующий текст не может быть понят без обнаружения тех литературных традиций, на которых он основан;
- *критика формы* рекомендует при интерпретации текста обращать внимание на предшествующую устную традицию, поскольку священная литература возникает как фиксация (интерпретация) предшествующей устной традиции;
- *критика редакций* исходит из того, что некоторые детали в тексте имеют смысл, только если в них видеть работу редактора, перерабатывающего предшествующие традиции и тексты.

Впрочем, постмодернистское понятие интертекстуальности серьезно отличается от методов научной критики Писания. Ю. Кристева ввела понятие интертекстуальности в европейскую гуманитаристику в целях радикальной критики подходов, существовавших в то время в изучении литературного произведения. Постструктурализм, как и научная критика, утверждает, что любой текст связан с предшествующими произведениями, но радикально иным образом.

Объектом критики Ю. Кристевой, Р. Барта и Ж. Деррида является «миф о филиации», исповедуемый академической филологией. Барт пишет: «Всякий текст есть интертекст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски „источников“ и „влияний“ соответствуют мифу о филиации произведения, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат — цитат без кавычек» [Барт, 1989, 418].

За поиском источников стоит, по мнению деконструкции, метафизическая вера в то, что смысл сочинения объясняется историей его формирования. Произведение возникает из исторической суммы тех источников и влияний, которые ему предшествовали. Задачей критика в этом случае оказывается осуществление филологических раскопок (*excavative reading*) [см.: Барт, 1989, 535]. Смысл текста в этом случае, как выясняется, лежит не в самом тексте, а за ним, в источниках и предшествующих традициях. Исходя из этой метафизической предпосылки, историческая критика видит в старой версии текста приоритет над новой. «Источник» всегда, как утверждается, содержит больше «истины», чем итоговый, «вторичный», текст.

Все сказанное характерно и для академической европейской библеистики. Считается, что более древние тексты влияют на поздние, причем это влияние рассматривается как довольно прямолинейное и однонаправленное. Для того чтобы понять текст, необходимо найти его источники, реконструировать самую близкую к оригинальной версию. Для интертекстуального же подхода считается наивным анализировать текст, исходя из тех «заимствований», которые в нем присутствуют. В тексте невозможно отличить внутреннее (имманентное) и внешнее (заимствованное), поскольку заимствованным оказывается и все внутреннее.

Интертекстуальность освобождает нас от власти одного из самых влиятельных предрассудков эпохи модерна. Вместо логичной и рациональной схемы, которая всегда может быть графически представлена в виде стеммы, нам предлагается иметь дело с ризомой. У ризомы нет ни начала, ни конца, ни первоисточника, ни центра. Ризома также противостоит любым иерархиям. Иначе говоря, после дерридианской

критики экзегет вновь получает право работать с библейскими текстами, толковать их безотносительно к гипотетическим первоисточникам, редакциям и формам.

В тесной связи с интертекстуальным подходом развивался так называемый «канонический критицизм» (canon criticism, saponical approach). Бревард Чайлдс, известный специалист по истории библейской традиции, и другие сторонники этого подхода считали уместным, опираясь на сформировавшийся канон библейских текстов, работать с каждой из книг в имеющемся варианте (синхрония), не придавая излишнего значения сложной редакционной истории отдельного текста (диахрония).

Интертекстуальность позволяет гораздо шире взглянуть на связь библейских текстов друг с другом. Помимо влияния более древних текстов на более молодые существует также и диахрония, взаимосвязь текстов друг с другом. Смысл текста зависит от более древних «первоисточников» не в большей степени, чем от современных или даже более поздних по времени появления.

«Мозаичность» библейского текста — известная истина для традиционной экзегезы. Древняя метафора ткацкого станка позволяет отобразить обилие, случайность и бесконечные взаимосвязи слов, составляющих библейский текст. Принцип мозаичности, лоскутности в максимальной степени представлен в иудейской раввинистической традиции. Каждая книга Писания привита, «внедрена» в другую. Каждое сочинение Писания погружено в надысторический процесс бесконечного истолкования одного текста посредством другого.

Таким образом, интертекстуальный подход дает возможность вернуть в ряд легитимных герменевтических инструментов возможность читать параллельно несколько внешне никак не связанных текстов. Отметим, что этот метод является основным для традиционной христианской и иудейской экзегезы. Интертекстуальность помогает увидеть такое свойство Священного Писания, как диалогичность. Различные книги Библии, различные персонажи, традиции и редакции, — всё это как будто ведет внутренний, никогда не прекращающийся диалог. Там, где историческая критика видит дуплеты и бессмысленные повторы, постструктурализм обнаруживает повествовательные резонансы (narrative echoes), которые указывают на внутреннюю связь текста. Отказавшись от «мифа о филиации», интерпретатор Писания получает возможность обратиться к анализу текста в его существующей форме.

Источники и литература

1. Барт (1989) — *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1989.
2. Кристева (1993) — *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 5–24.
3. Кристева (2004) — *Кристева Ю.* Исследования по семанализу // Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
4. Эко (2003) — *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы». М.: Симпозиум, 2003.
5. Carroll (1994) — *Carroll R.* Intertextuality and the Book of Jeremiah: Animadversions on Text and Theory // *The New Literary Criticism and the Hebrew Bible* / eds. D. J. A. Clines & Ch. Exum. Trinity Press International, 1994.
6. Grivel (1982) — *Grivel C.* Theses preparatoires sur les intertextes // Dialogizität, Theorie und Geschichte der Uteratur und der schönen Kunste / Hrsg. von Lachman R. Munchen, 1982.
7. Kristeva (1969) — *Kristeva J.* Semiotike: Recherches pour une semanalyse. Paris, 1969.
8. Liptak (2006) — *Liptak R.* Coming to Terms with Intertextuality: Methodology Behind Biblical Criticism Past and Present. Ph.D. Thesis. Pretoria, S. A.: University of Pretoria, 2006.
9. Phillips (1991) — *Phillips G.* Sign / Text / Difference. The Contribution of Intertextual Theory to Biblical Criticism // *Intertextuality* / ed. H. F. Plett. Berlin; New York: de Gruyter, 1991. P. 79–97.

10. Phillips (2006) — *Phillips G. Biblical Studies and Intertextuality: Should the work of Genette and Eco broaden our horizons? // The Intertextuality of the Epistles Explorations of Theory and Practice* / ed. by Th. L. Brodie, D. R. MacDonald, S. E. Porter. Sheffield, 2006. P. 36–45.

Priest Alexey Volchkov. Intertextuality and Biblical Studies.

Abstract: The article presents a brief review on how the term “intertextuality” developed in modern literary studies. As originally formulated by Julia Kristeva in the 1960s, “intertextuality” in its full theoretical version expressed the belief that all texts are composed of words that have already been said. Intertextuality in biblical studies is not a “banal” study of sources, unfaithful to Kristeva’s original intent. The intertextual approach in biblical studies rehabilitates many methods of traditional religious exegesis.

Keywords: theology, intertextuality, hermeneutics, exegesis, poststructuralism, literary criticism, biblical criticism, Jacques Derrida, Julia Kristeva, Roland Barthes.

Priest Alexey Sergeevich Volchkov — Doctoral Student at the Sts. Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies, Lecturer at St. Petersburg Theological Academy (volchkov.81@gmail.com)

Sources and References

1. Bart (1989) — Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Univers 1989. (Russian translation).
2. Kristeva (1993) — Kristeva J. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, Word, Dialogue and Novel]. *Dialog. Karnaval. Hronotop*, 1993, no. 4, pp. 5–24. (Russian translation).
3. Kristeva (2004) — Kristeva J. Issledovaniya po semanalizu [Studies on Semiotic Analysis]. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected Works: The Destruction of Poetics]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004. (Russian translation).
4. Carroll (1994) — Carroll R. Intertextuality and the Book of Jeremiah: Animadversions on Text and Theory. *The New Literary Criticism and the Hebrew Bible*. Ed. by D. J. A. Clines & Ch. Exum. Trinity Press International, 1994.
5. Eco (2003) — Eco U. *Zametki na polyakh «Imeni rozy»* [Marginal Notes on “The Name of the Rose”]. Moscow: Simpozium, 2003. (Russian translation).
6. Grivel (1982) — Grivel C. Theses preparatoires sur les intertextes. *Dialogizitat, Theorie und Geschichte der Uteratur und der schönen Kunste*. Hrsg. von Lachman R. Munchen, 1982.
7. Kristeva (1969) — Kristeva J. Semiotike: Recherches pour une semanalyse. Paris, 1969.
8. Liptak (2006) — Liptak R. *Coming to Terms with Intertextuality: Methodology Behind Biblical Criticism Past and Present*. Ph.D. Thesis. Pretoria, S. A.: University of Pretoria, 2006.
9. Phillips (1991) — Phillips G. Sign / Text / Differance. The Contribution of Intertextual Theory to Biblical Criticism. *Intertextuality*. Ed. by H. F. Plett. Berlin; New York: de Gruyter, 1991, pp. 79–97.
10. Phillips (2006) — Phillips G. Biblical Studies and Intertextuality: Should the work of Genette and Eco broaden our horizons? *The Intertextuality of the Epistles Explorations of Theory and Practice*. Ed. by Th. L. Brodie, D. R. MacDonald, S. E. Porter. Sheffield, 2006, pp. 36–45.